

ВАЛЕРИЙ ГУРОВ

ЗОНА МОЛЧУНОВ

ПЕРВАЯ ТИШИНА

ТОМ 5

Зона молчунов

Валерий Гуров

Первая тишина. Том 5

«Автор»

2026

Гуров В.

Первая тишина. Том 5 / В. Гуров — «Автор», 2026 — (Зона молчунов)

Сначала люди начали шептать: «тише». А потом — убивать за любой звук. Никто не понял, что произошло. Привычный мир рухнул за считанные часы. Так началась Первая тишина. Сергей Логинов попал в 2026 год из 1999-го — прямо в первый день катастрофы. Вокруг хаос, кровь и обезумевшие люди, а в полицейских базах он числится мертвецом. Только Первая тишина его не берёт. Теперь Сергею нужно выжить, спасти тех, кто ещё держится, и найти того, кто запустил катастрофу. Потому что Первая тишина не случайность. И тот, кто её запустил, опаснее молчунов.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18

Валерий Гуров

Первая тишина. Том 5

Глава 1

За воротами машина сразу набрала ход. Стена Маяка осталась позади, дорога вывела нас между брошенных пятиэтажек дальше пошли редкие частные дома. Водитель держал скорость около тридцати километров в час, аккуратно объезжал оставленные поперёк дороги машины и каждый раз заранее сбрасывал газ перед тесными участками.

Ковалёв сидел ближе к кабине и время от времени сверялся с планшетом. На экране была открыта карта района с несколькими отметками, одна из них находилась примерно в трёх километрах от периметра.

— Сегодня задача простая, — сказал он. — Разведка вчера насчитала там около двадцати молчунов. Нам нужны двенадцать пригодных. Остальных оставляем, если сами за нами не увяжутся.

Роман проверил щит, стоявший между его ногами, и посмотрел на меня.

— Вот сейчас увидишь, как люди работают, когда им каждый раз по пятьдесят штук тащить через полгорода не требуется.

— Я уже понял, что пятьдесят тебя сильно задели, — ответил я, покосившись на мужика.

— Меня сама цифра радует, — он пожал плечами. — Просто истории вокруг неё раздражают.

— Значит, сегодня будет шанс составить собственную, — холодно ответил я.

Роман усмехнулся и отвернулся к борту. Черт его знает почему, но я явно ему не понравился. Впрочем, я и не сто долларовая купюра, чтобы всем нравится. А кто чего стоит можно было понять только в деле. Благо ждать дела оставалось недолго.

Ковалёв прекрасно слышал наш разговор, но вмешиваться пока не стал. Он дождался следующего поворота и постучал водителю по спинке сиденья.

— Через квартал сбавляй ход. Машину оставь за бетонным забором, но двигатель не глуши. Если придётся уходить быстро, ждать запуска никто не будет.

Водитель поднял большой палец. Скорее всего на подобные манипуляции существовал регламент, но тут, как говорится, лучше перебздеть, чем недобздеть.

Мужчина напротив меня достал из ящика два коротких кабеля и тщательно проверил разъёмы. Второй работник поднял с пола небольшой громкоговоритель на складной металлической раме и посмотрел на индикатор заряда.

Другой сотрудник показал на второй блок у задней двери.

— У резерва заряд полный, отдельное питание подключено, — обозначил он.

Я посмотрел на оборудование внимательнее. У нас вся схема держалась на одной колонке, проводе и аккумуляторе, который приходилось постоянно беречь. Здесь основной и резервный источники «жили» отдельно, кабели были уложены по коробам, на каждом блоке стояли собственные выключатели и индикаторы. Ремни для фиксации уже лежали аккуратными связками по размеру, рядом стояли два пластиковых короба с готовыми петлями.

Подготовка у этих ребят и правда была на уровне.

Роман заметил мой взгляд.

— Красиво, да Серег? Я смотрю ты прям залюбовался.

— Удобно, — ответил я. — Особенно запасной источник.

— После пары случаев, когда основной сдох посреди работы, быстро поумнели, — вздохнул мужик. — Опыт пишется кровью.

Машина свернула с дороги и прошла вдоль длинного бетонного забора. За ним стояло несколько низких производственных зданий, часть окон была выбита, ворота одного цеха висели на одной петле. Водитель протянул машину ещё метров пятьдесят и остановился там, где кузов полностью закрывался от двора стеной.

Ковалёв сразу поднялся.

— Работаем первым вариантом. Миша ведёт основной звук, Сева держит резерв. Роман ты со щитом справа, а ты Глеб слева. Сергей идёт с Романом, после прижима помогаешь вязать и сразу относишь к машине. Водитель остаётся здесь и смотрит дорогу.

Я спрыгнул на асфальт следом за Романом. Ковалёв подошёл к пролому в заборе, осторожно выглянул внутрь и показал нам остановиться.

Двор оказался вытянутым, метров сто от края до дальней стены. Посередине стояли две ржавые грузовые тележки, возле цеха валялись поддоны и металлические листы. Молчуны бродили небольшими группами: трое возле ворот, ещё несколько вдоль стены, основная кучка собралась у дальнего корпуса.

Даже локацию ребята выбирали правильно — подальше от больших скоплений и в ограниченном пространстве. Видимо здешних сотрудников беда застигла прямо посередине смены. И за все прошедшие дни они так никуда и не смогли выбраться из-за высокого забора и закрытых ворот. Выловить таких было гораздо проще, чем твари из оживлённых мест. Да и риска было куда меньше.

Миша вынес громкоговоритель к углу забора и поставил его на асфальт. Ковалёв показал рукой чуть левее.

— Ещё метр. Нам надо вытянуть крайних и отвести их от основной группы, — пояснил он.

Миша молча передвинул раму и включил звук. Из динамика пошёл короткий повторяющийся сигнал, резкий и неприятный. Первый молчун возле ворот повернул голову сразу. Второй остановился, потом развернулся вслед за ним. Третий замешкался на несколько секунд и тоже пошёл в сторону источника.

Ковалёв поднял ладонь, призывая всех не дергаться раньше времени, когда он отдаст приказ.

Мы ждали за стеной.

Молчуны приблизились метров на пятнадцать. Миша убавил громкость, потом переставил источник чуть глубже к пролому. Твари продолжили идти на звук, вытянулись цепочкой и оказались достаточно далеко от остальных. Расчет сработал верно, и это явно было результатом опыта этой команды.

Ковалёв опустил руку.

Роман пошёл первым. Я держался в двух шагах позади. Первую тварь он встретил щитом прямо в грудь. Молчун ударился в пластик, попытался обойти справа, Роман довернул корпус и прижал его к стене. Я сразу подошёл сбоку, завёл руку твари за спину, накинуд готовую петлю на запястья и затянул.

— Ноги фиксируй, — бросил Роман.

Глеб уже держал вторую тварь своим щитом. Я опустился ниже, перехватил первую выше колен и стянул ремень. Роман помог уложить молчуна на бок, после чего я подтянул нижнюю фиксацию у голеней.

— Готов, — сообщил я

— Тащи его.

Я схватил тварь за ремень и потянул к машине. Второй работник подхватил молчуна за плечи, вместе мы быстро унесли его за бетонный забор. Там молчуна сразу уложили в отдельную секцию кузова и закрепили за напольные петли.

Сработали и правда максимально безопасно.

Когда я вернулся, Роман уже держал второго. Третий молчун успел повернуться на шум возле щита, но Миша добавил громкость, и тварь снова повернула голову к динамику.

Через несколько минут все трое лежали в кузове, крепко связанные.

Роман поставил щит на землю и вытер лоб рукавом.

— Вот примерно так это обычно выглядит. Колонку на крышу грузовика ставить каждый раз не приходится.

Я подтянул перчатку на правой руке.

— У вас и времени на подготовку побольше. Да и результаты скромнее.

Рома едва заметно вздрогнул, мои слова ему не понравились, но показывать что его задело мужик все таки не собирался.

— Это тоже называется работать головой, — буркнул он.

Ковалёв подошёл к нам и удовлетворенно посмотрел на кузов.

— Три есть, отлично. Ещё девять надо добрать. Так что, хлопцы, не расслабляемся раньше времени.

Он показал Мише на дальнюю часть двора.

— Теперь тянем пятерых от цеха. Основной ставь ближе к тележке, резерв готовь за углом. Если основная группа сдвинется, сразу переключаем.

— Есть.

Миша подхватил раму, мы двинулись вдоль забора и вошли во двор через второй пролом. Здесь укрытия было уже меньше. До ближайших молчунов оставалось метров сорок, за ними бродили ещё десяток тварей, которых разведка, похоже, видела только частично.

Ковалёв тоже это заметил.

— Их больше, хреново сработали.

Роман прищурился.

— Вчера половина, наверное, внутри цеха сидела, — предположил он.

Ковалев помолчал, а потом сказал:

— Работаем аккуратно. Пятерых вытягиваем, потом смотрим.

Основной источник включили возле перевёрнутой тележки. Несколько голов повернулись одновременно. Сначала пошли четверо, потом к ним присоединились ещё двое. Через полминуты из разбитых ворот цеха вышли сразу три молчуна.

Ковалёв показал Мише убавить звук.

— Уже девять. Дальше их сюда тащить не надо.

Миша уменьшил громкость, однако ситуация успела измениться. Один из молчунов возле стены услышал работающий двигатель за забором, резко повернул голову и пошёл в другую сторону. Следом за ним развернулись ещё двое.

Роман тихо выругался.

— Машину слышали, сука.

Ковалёв сразу показал водителю жестом заглушить двигатель. Гул стал тише, только первая тройка тварей уже ушла с нужного направления.

Миша снова поднял громкость. Две твари вернулись к динамику. Третья продолжила двигаться к пролomu, через который мы вошли.

— Глеб, левую держи! — приказал Ковалёв. — Роман, свою пару забирай справа. Сергей с ним.

Мы пошли вперёд. Роман встретил первого щитом, я тут же помог ему прижать тварь к борту старой тележки. Пока затягивал руки, рядом прозвучал удар второго щита.

— Ноги! — крикнул Роман.

Напоминать мне было ни к чему. Я опустился, завёл ремень выше колен. Молчун среагировал на голос Глеба, попробовал повернуться, однако щит удержал тело на месте.

Слева ситуация оказалась хуже. К Глебу подошёл ещё один молчун, потом второй. Миша перевёл динамик чуть дальше, пытаясь стянуть их на звук, и первая группа тоже изменила направление.

— Ковалёв! — крикнул Сева. — У меня ещё четверо из цеха вышли!

Я поднял голову. Из тёмных ворот действительно двигались новые твари. Теперь их во дворе было уже больше двадцати пяти. Часть шла к основному источнику, несколько поворачивались на крики и удары щитов. Одна связанная тварь лежала возле тележки. Второго молчуна Роман ещё держал щитом, когда носильщики подошли за первым, но Ковалёв сразу остановил людей рукой.

— Оставили! Все назад к стене!

Роман толкнул своего молчуна щитом на землю.

— Этот уже почти готов!

— Потом заберём. Назад!

Мы отошли к пролому. Глеб пятился вместе со щитом, удерживая двух тварей на расстоянии. Сева включил резервный громкоговоритель за углом, и несколько молчунов резко повернули туда.

Основной источник всё ещё работал возле тележки. Получилось правда плохо. Часть тварей потянулась к резерву, несколько продолжили идти к основной колонке, ещё трое зависли между двумя направлениями и начали реагировать на голоса людей.

Один носильщик отступил слишком быстро, зацепился ногой за край поддона и едва удержался. Роман схватил его за жилет и рывком поставил обратно.

— Под ноги смотри!

— Вижу уже!

Мы дошли до стены. Ковалёв сам встал у пролома и следил за двором.

— Основной выключай! — распорядился он.

Миша нажал кнопку.

После исчезновения первого сигнала несколько молчунов замерли. Потом один за другим повернули головы к резервному источнику. Поток начал собираться снова, хотя шёл теперь значительно шире.

Ковалёв показал всем оставаться на месте.

— Сейчас вытянем их дальше и зайдём ещё раз, — пояснил он.

Роман поставил щит к стене и посмотрел на меня, прищурившись.

— Уже нашёл, что исправить? — спросил он.

Упираться или бодаться с ним не входило в мои планы. Я ничего не ответил и посмотрел через пролом. Резервный динамик стоял метрах в двадцати от основного маршрута. Молчуны тянулись к нему через ту же часть двора, по которой мы должны были уносить связанных к машине. Каждый новый перенос пересекал их движение.

Ковалёв тоже смотрел туда, рассчитывая следующий захват. Я подошёл к нему, не обращая внимания на напрягшегося Романа.

— Если ещё раз зайдём так же, носильщики опять полезут через поток, — предупредил я.

Ковалёв медленно повернул голову.

— Предлагай варианты.

Я показал на дальний угол забора.

— Резервный источник надо отнести туда. Тогда после первого сигнала они пойдут вдоль стены и уйдут дальше от пролома. Связанных можно будет вытаскивать так чтобы маршрут не пересекался.

Ковалёв посмотрел сначала на угол, потом на молчунов.

— Основной тогда оставляем возле тележки. Резерв ставим дальше по стене и включаем после отделения первой группы, я тебя правильно понял? — уточнил он.

— Именно, — сказал я. — Тогда следующая толпа пойдёт дальше, пока мы связываем тех, кого уже забрали.

Ковалёв махнул Севе.

— Тащи резерв, — распорядился он. — Миша, основной тогда пока не включай. Остальные готовятся на второй заход.

Сева побежал вдоль стены с динамиком. Я поднял с земли новый комплект ремней, Роман забрал щит, отнюдь недружелюбно на меня зыркнув. Во дворе молчуны постепенно сбились вокруг резервного источника, и свободного пространства возле тележки стало заметно больше.

Ковалёв дождался, когда Сева поставит динамик в дальнем углу. Он выглянул через пролом и показал носильщикам на связанную тварь, оставшуюся возле тележки.

— Сначала того заберите. Коридор сейчас свободен.

Двое работников быстро дошли до молчуна, подхватили его и утащили за бетонный забор.

— Четыре есть, — сказал Ковалёв, когда они вернулись. — Осталось восемь. Проверяем один раз. Если толпа снова разойдётся, возвращаемся к старой схеме и работаем малыми партиями, — обозначил он.

Миша включил основной источник, и первые головы повернулись почти одновременно. Мы пошли к пролому, Роман держался на полшага впереди со щитом, я нёс два комплекта ремней и следил за двором поверх его плеча.

Молчуны возле тележки двинулись на звук. Пятеро пошли сразу, ещё двое задержались у стены, потом один из них тоже присоединился. Дальняя группа пока оставалась возле цеха, потому что резервный динамик молчал.

Ковалёв поднял два пальца и показал Мише чуть уменьшить громкость. Первый молчун приблизился метров на десять, второй шёл почти следом, остальные растянулись дальше по двору.

— Работаем — берите первых двух, — сказал Ковалёв. — Остальных уводим резервом.

Роман ускорился и встретил крайнего щитом. Тварь упёрлась грудью в пластик, повела головой на звук и попыталась шагнуть в сторону. Я зашёл сбоку, перехватил её руки и затянул петлю на запястьях, пока Роман прижимал молчуна щитом.

Второго уже держал Глеб. Ковалёв дождался, когда обе твари оказались зафиксированы, и резко махнул Севе. Резервный динамик тотчас заработал в дальнем углу.

Оставшиеся молчуны почти одновременно повернули головы. Двое сначала замешкались между источниками, потом второй сигнал перетянул их внимание, и вся группа медленно пошла вдоль стены, удаляясь от нас.

— Сейчас! — бросил Ковалёв.

Я затянул ремень выше колен, Роман помог уложить тварь на бок. Носильщики сразу подхватили её и понесли к пролому. На этот раз им уже никто не шёл навстречу: молчуны двигались в противоположную сторону, вслед за резервным источником.

Мы закончили со вторым примерно через полминуты. Глеб со своим напарником справились почти одновременно, и обе связанные твари ушли к машине одна за другой.

Роман проводил их взглядом и снова посмотрел на двор.

— Ладно, — буркнул он. — Так чище получилось. Считай, что тебе повезло, новенький.

— Четырёх следующих берём возле стены, — приказал Ковалёв.

Он показал новое место для основного динамика. Миша перенёс раму метров на семь вперёд и поставил её рядом с грудой поддонов. Мы тоже сместились, используя тележку и бетонные блоки как укрытие.

Основной звук включили снова.

Четверо молчунов повернулись к нему. Пятый сделал несколько шагов следом, но Сева добавил громкость на резервном динамике, и тварь вернулась к общей группе.

Мы двинулись навстречу первой паре. Роман принял крайнего, я сразу зашёл ему за плечо и начал фиксировать руки. Второй молчун среагировал на шум щита и резко ускорился, поэтому Глебу пришлось шагнуть в сторону и развернуть его.

Третья и четвёртая твари продолжали идти на динамик. Ковалёв поднял ладонь, показывая нам оставаться на месте, пока носильщики заберут первых двух.

Роман уже закончил со своим молчуном. Он посмотрел на третью тварь, перехватил щит поудобнее и вдруг двинулся вперёд.

Роман дошёл до молчуна и встретил его щитом. Тварь ударилась в пластик, Роман повернул корпус и прижал её к бетонному блоку. Четвёртый молчун среагировал на удар, повернул голову и вместо динамика пошёл прямо к Роману. Тот держал третьего перед собой и увидел вторую тварь слишком поздно.

Я уже затянул руки своему молчуно и бросил свободный ремень носильщику.

— Забирай этого!

Я рванул к Роману, на ходу выдернув глушилку. Четвёртый молчун уже заходил ему сбоку. Я шагнул навстречу и ударил тварь. Молчуна качнуло в сторону, он сбился с шага, и Роман успел оттолкнуть третьего щитом и отступить.

— Назад к стене! — приказал Ковалёв. — Оба!

Сева сразу добавил громкость на резервном динамике. Третий молчун развернулся к звуку первым. Четвёртый выпрямился после удара, несколько секунд постоял на месте и тоже пошёл вслед за ним.

Носильщики тем временем утащили к машине первых двух. Ковалёв проводил взглядом молчунов, затем повернулся к Роману.

— Ты какого хрена полез? — процедил он.

— Думал, успею, — процедил тот в ответ.

— Я сказал ждать.

— Я бы успел.

— Не успел. Если бы Сергей не среагировал, второй тебя бы сцапал. Ещё раз решишь поработать по-своему — останешься возле машины.

Роман сжал челюсть, посмотрел на меня и промолчал. Ковалёв повернулся ко мне.

— Правильно сделал, — сухо сказал он. — Только в следующий раз сначала крикни, что снимаешься со своей позиции.

Я кивнул, спорить тут было не о чем — Ковалев был прав.

— Принял.

Ковалёв посмотрел в сторону машины.

— Восемь в кузове. Осталось добрать четыре.

Сева и посмотрел в сторону дальнего динамика. Основная масса молчунов уже собралась метров на тридцать дальше прежней точки, поэтому возле пролома оставался свободный коридор.

— Зато перенос сейчас прошёл вообще спокойно, — отметил он. — Раньше мы тут два раза через их маршрут бегали.

Ковалёв тоже посмотрел на двор, но никак не прокомментировал.

Следующий заход провели по той же схеме. В этот раз забрали сразу четырёх, и работа заняла заметно меньше времени. Основной источник вытянул нужную группу, резервный увёл остальных вдоль стены, а носильщики смогли проходить к машине по свободному коридору.

Когда четвёртая связанная тварь исчезла за проломом, Ковалёв посмотрел на часы.

— Семь минут с момента первого сигнала. Раньше такую четвёрку возили почти одиннадцать.

Сева снял перчатку зубами и вытер ладонь о штаны.

— Я бы оставил схему.

Ковалев посмотрел на меня, явно впечатленный проделанной работой.

— Как додумался?

— Когда тащили людей через город, постоянно приходилось разводить толпу и свой маршрут. Один источник хорош, пока все двигаются в одну сторону. Как только одновременно начинаешь таскать связанных, становится тесно, — объяснил я.

Ковалев кивнул.

— Теперь понятно, откуда идея. В городе у вас времени на инструкции явно было мало.

Он махнул нам к машине.

— На сегодня здесь закончили. Двенадцать взяли, задача выполнена. Грузимся и домой, пока район решил нас отпустить.

Мы собрали оборудование, свернули кабели и унесли динамики. Последних молчунов уложили в отдельные секции кузова, каждому ещё раз проверили руки и ноги. Ковалёв прошёл вдоль ряда сам, дёрнул несколько ремней, после чего закрыл внутренние перегородки.

— Погнали!

Глава 2

Обратная дорога заняла меньше времени. В кузове периодически что-то грохотало, молчуны реагировали на двигатель и наши голоса, но перегородки держали. Роман сидел напротив меня, придерживая щит коленями, и уже смотрел вполне спокойно.

— Я утром думал, что история про пятьдесят сильно раздута, — сказал он. — Теперь хотя бы понятно, почему тебя сюда прислали.

— Что понятно? — я скосил на него взгляд.

Было понятно, что мужик прекрасно понимал, что я его спас. Вот только после недавних подколов ему совершенно не хотелось этого признавать вслух. Понятное впрочем желание. Никто не любит признавать, что был неправ. Главное – что будет человек с этим пониманием делать в итоге.

— Понятно, что ты толковый, — Роман коротко пожал плечами, хмыкнул. — Я ведь тебя это, Серег, проверял. Так что без обид, такая у нас в отряде практика. Сам понимаешь, мы всё-таки друг за друга отвечаем...

Я улыбнулся одними краями губ. Ловко Роман попытался вывернуться, но главное, что дальше он не стал усугублять конфликт. Такого рода непонимания внутри коллектива, где друг за друга действительно отвечают головой, были совершенно ни к чему. И меня не могло не радовать, что мужик это понимает.

— Ну ты понял, я это спецом сделал, в смысле подстроил, ну контролируемо в смысле... проверка такая короче, — витиевато высказал он свою мысль.

— Ну и как? — я вскинул бровь. — Проверку прошел?

— Вполне себе, — подтвердил Роман и отвернулся.

Я ещё несколько секунд смотрел на него, потом тоже отвёл взгляд. Роман явно пытался сохранить лицо, и меня это вполне устраивало. Работать нам предстояло вместе, а выяснять, кто кому что доказал, после сегодняшнего выхода смысла не было.

Ковалёв оторвался от планшета.

— Любовь и уважение оставьте на вечер. После ворот ещё разгрузка, осмотр и сортировка.

Машина вошла в Маяк через внешний пост. Охранник перекинулся парой дежурных фраз с Ковалевым и поднял шлагбаум. Мы проехали к хозяйственной площадке, где уже стояли две пустые клетки и ждали трое работников.

Водитель поставил машину задом к разгрузочной зоне. Роман первым прыгнул на бетон, я выбрался следом и помог подкатить клетку ближе к кузову.

Ковалёв открыл ведомость.

— Ну как сегодня улов, мужики? — спросил один из работников.

— Двенадцать привезли, — ответил Ковалев. — Все живые, один получил ссадину на плече во время фиксации. Остальные чистые.

Работник удовлетворительно кивнул и начал отмечать данные. Второй снял наружный запор, открыл створку и сначала осмотрел молчунов из дверей, присвистнув.

— Ничего такая партеечка. Отмечать будем?

Я не сразу понял, что он имеет в виду, но потом мужик щелкнул указательным пальцем по шее и все встало на свои места.

— А куда мы денемся, — гоготнул Роман, — Нервы же надо хоть как-то беречь.

Ковалёв смерил его жёстким взглядом, не предвещающим ничего хорошего и Роман сразу запнулся.

— Давайте выгружать, — распорядился Ковалев.

Мы вытянули крайнего молчуна за ремни, перенесли к клетке и уложили на площадку для проверки. Работник сверил крепления, повесил бирку и жестом показал уносить дальше.

Так прошло пять тварей.

На шестой Роман уже потянулся к ремню, когда я заметил, что одна нога у молчуна лежит слишком свободно. Нижняя петля после дороги сползла почти к ботинку, верхняя тоже ослабла.

— Погоди, — шепнул я и указал на ботинок. — У этого крепление разболталось.

Работник возле дверей наклонился ближе, всматриваясь. Молчун сразу отреагировал и рванул на мужика. Тот отпрянул, стукнувшись спиной о кузов и вылутился на меня.

— Я же сказал погоди к нему лезть, — подмигнул я.

— Сказал, — вздохнул мужик и замахнулся на тварь, которая продолжала извиваться. — Сука такая, чуть душа в пятки не ушла! Будь моя воля как дал бы разок по башке!

— Щит тащи, — коротко сказал Ковалёв. — А по башке лучше себе дай, может мозги на место встанут, пока ты их окончательно не пропил.

— Да ладно тебе... я ж говорю — надо как-то справляться со стрессом...

Молчун тем временем подтянул вторую ногу и попытался развернуться в кузове, ударив плечом о перегородку.

Ковалёв не стал продолжать совершенно бессмысленный спор — забрался внутрь с другой стороны.

— Сергей, верхнюю петлю режь. Она перекрутилась, нормально уже не затянем.

Мне подали нож. Я перерезал ремень, отбросил конец в сторону и взял новый, пока Ковалёв удерживал ноги молчуна сапогом возле колен.

— Выше заводи, — попросил Ковалев. — Вот так, да. Теперь подтягивай на себя.

Я затянул петлю. Тварь рванулась ещё раз, но ноги уже остались вместе — угрозы молчун больше не представлял.

— Нижнюю давай тоже поменяем от греха подальше, — сказал Ковалёв. — После такой дороги проще поставить новую, чем гадать, насколько старая растянулась.

Через минуту крепления снова сидели нормально. Мы вытянули молчуна из кузова и передали на осмотр.

Ковалев подошел к краю кузова и спрыгнул на землю, отряхивая руки. Один из работников покачал головой.

— В дороге ушло, как понимаю?

— Похоже на то, — ответил Роман. — Перед выездом всё проверяли, но видимо ослабло.

Ковалёв посмотрел на бирку и записал что-то в ведомости.

— Значит, добавим ещё одну проверку перед внутренними воротами, — заключил он. — Десять секунд на каждого проще найти, чем потом ловить такого орла на площадке, когда он кому-то шею перегрызет. А кто тварь закреплял?

— Я, — ответил Роман. — Но перед выездом крепление сидело нормально. Сам проверял.

Ковалёв ещё раз посмотрел на ослабший ремень.

— Тогда тем более проверяем перед воротами. Может, в дороге растянулся, может, этот особенно активно дёргался. Разберёмся. Хорошо заметил, Серег. Умный на чужих ошибках учится. Так что смотрим внимательно за всем, даже если сам не вязал.

Я кивнул.

Мы продолжили разгрузку. Остальные молчуны дошли спокойно, и примерно через двадцать минут кузов опустел. Работники закрыли клетки, пересчитали бирки и передали Ковалёву ведомость.

Он не глядя поставил подпись, вернул планшет и наконец снял перчатки.

— На сегодня всё. Все свободны, поздравляю, что все прошло без сучка и задоринки, ну почти. — он посмотрел на Романа. — Можете расходиться, только с «за вредность» не переусердствуйте,

Мужики из нашей команды отлова пошли, все вместе, к ближайшему зданию. Я про себя отметил что Ковалев не присоединяется к компании. Он лишь проводил своих людей взглядом и вернул внимание на меня.

— Завтра опять приходишь к семи, — сказал он.

Я посмотрел на него.

— Значит, оставляете?

— Оставляем. Первые выходы всё равно пойдёшь с опытной группой, сегодня ты увидел только один объект и один способ работы. Но пользы от тебя уже больше, чем лишних хлопот, поэтому место заслужил.

Ответ был исчерпывающим. По крайней мере, я не стал ничего на это отвечать.

— А на Романа ты особо внимание не обращай, у него своя политика и свои взгляды. Главное, что он свою работу хорошо знает, а сейчас такие люди на вес золота.

Я никак не прокомментировал и это. Молча снял жилет и положил его на стол возле снаряжения. Никакого желания обсуждать Романа у меня не было, тем более после того, как Ковалёв сам подтвердил, что мужик свою работу знает.

— Тогда завтра в семь буду здесь, — подтвердил я.

Ковалёв посмотрел на меня и усмехнулся.

— И ты не зазнавайся Серег. Один удачный случай правилом ещё не стал. Проверим на других объектах твою методику, а потом уже решим, стоит ли вносить это в наша схему.

— Договорились.

За спиной уже закрывали клетки с сегодняшней партией, работник сверял номера бирок.

Я уже собирался отнести перчатки под навес, когда Ковалёв остановил меня жестом и показал на клетки. Работники как раз выкатывали первую к дальнему столу, возле которого стоял мужчина в сером халате поверх рабочей одежды. Рядом лежали фонарь, небольшой ручной динамик, пластиковые бирки и планшет.

— А куда ты собрался то, Сергей? — спросил Ковалёв. — Раз уж первый день досидел до конца, сортировку тоже посмотришь. Потом всё равно придётся понимать, кого именно мы привозим.

Ловко он... всех остальных участников группы отлова Ковалев уже отпустил.

Я вернулся к клеткам.

— Что делать?

— Теперь тварей разберут по состоянию и заявкам, — объяснил Ковалев, испытывающе глядя на меня, будто ожидая возражений. — Помогай выкатывать по одному, заодно быстрее разберёшься, как устроена наша производственная цепочка.

— Понял.

Первого молчуна уложили возле стола прямо на бетон. Руки оставались стянуты за спиной, ноги держали два ремня. Мужчина в халате проверил бирку, посветил в глаза, потом щёлкнул пальцами сперва справа от головы, затем слева.

Молчун оба раза повернулся почти сразу. После этого сотрудник поднял маленький динамик, дал короткий сигнал и поводил им из стороны в сторону. Голова твари послушно пошла вслед за звуком.

— Обычный, — сказал мужчина и сделал отметку в планшете. — Давайте его в общий накопитель.

Двое работников подхватили молчуна за ремни и потащили к другой клетке. Я посмотрел вслед, потом помог подтянуть следующего.

Второй вёл себя уже несколько иначе. На щелчок возле уха он среагировал с задержкой, голова повернулась чуть медленнее, глаза несколько секунд продолжали смотреть в прежнюю сторону.

Мужчина повторил проверку, потом провёл фонарём перед лицом.

— Здесь начальная стадия, — сказал он Ковалёву. — По координации пока ближе к обычному.

Ковалёв только кивнул и посмотрел на меня.

— Чего застыл? Следующего готовь.

Я перехватил ремень на ногах молчуна и помог уложить третьего. Этот молчун сразу агрессивно среагировал на наш разговор, попытался вывернуться и повернул голову так резко, что со всего размаху щекой ударился о бетон.

Сотрудник придержал его за плечо длинной рукоятью и снова включил ручной динамик.

Тварь сначала повернулась на звук, затем словно потеряла его и дёрнула головой обратно. Со второй попытки движение вышло точнее.

— Промежуточный, — произнёс мужчина. — Отметь реакцию на первый сигнал.

Работник рядом внёс данные. Я плюс минус понимал, что происходит, но все же решил спросить у Ковалёва;

— Эта классификация у вас давно?

— Достаточно давно, чтобы использовать её в работе, — ответил он.

— По одной реакции на звук определяете?

Мужчина в халате услышал вопрос и посмотрел на меня.

— По нескольким признакам. Глаза, скорость реакции, координация, характер движений, ответ на разные раздражители. Иногда хватает минуты, иногда приходится смотреть дольше.

— И стадия потом влияет на то, куда тварь отправят?

— Влияет заявка. Одним нужны обычные, другим определённое состояние.

Ковалёв подцепил следующего за ремень.

— Давай дальше, Сергей. Если по каждому устраивать конференцию, домой уйдём ночью.

Просвещать меня на эту тему он не горел желанием. Но при этом, если бы мужик не хотел, чтобы я это знал, то и не оставлял бы меня на процедуру.

Следующих двух проверили быстро. Один получил отметку обычного, второй оказался на начальной стадии. Я уже начал замечать разницу сам: обычные реагировали понятнее, движение головы чаще шло прямо за источником, у изменённых появлялись задержки и странные короткие сбои.

Шестого мужчина осматривал дольше. Молчун лежал спокойно, хотя глаза двигались активно. На первый сигнал он повернул голову, на второй среагировал почти сразу, потом вдруг замер и несколько секунд смотрел в одну точку.

Сотрудник поменял частоту на проигрывателе звука. Теперь тварь дёрнулась всем телом и резко попыталась податься к источнику.

— Созревающий, — сказал мужчина. — Реакция уже выраженная, координация пока плавает.

Я удержал молчуна за ремень, пока ему меняли бирку. Слово зацепилось сразу, хотя расспрашивать я пока не стал.

Ковалёв это заметил.

— Что?

— Термины запоминаю.

— Правильно делаешь. Через неделю сам начнёшь угадывать раньше проверки.

Мы уложили седьмого. Он оказался обычным и ушёл в общий накопитель почти сразу.

Следующих четырёх прогнали заметно быстрее. Двух отправили к обычным, один получил начальную стадию, ещё одного мужчина в халате назвал промежуточным. К этому моменту я уже начинал примерно угадывать результат раньше, чем он произносил его вслух.

Двенадцатого, последнего из нашей партии принесли вдвоём. Именно он ещё в дороге несколько раз сильно бился о перегородку, и именно у него при разгрузке разболтались ремни. Поэтому Ковалёв задержал работников и сам проверил крепления перед осмотром.

— С этим поаккуратнее, товарищ больно буйный.

Молчуна положили на бок. Мужчина в халате попросил повернуть его лицом вверх, присел рядом и сначала просто посмотрел в глаза.

Тварь почти не двигалась.

Сотрудник щёлкнул пальцами возле правого уха. Голова повернулась медленно, словно молчун сначала определял направление источника звука. Второй щелчок слева дал примерно такую же реакцию.

Мужчина взял динамик.

Первый сигнал молчун почти проигнорировал. Только глаза ушли в сторону звука.

Сотрудник молча поменял частоту и тогда тварь резко вскинула голову и рванулась всем телом так сильно, что я едва успел наступить на ремень возле ног. Ковалёв тут же прижал плечо рогатиной к бетону.

— Спокойно, красавец, — пробормотал он. — Уже приехал. Обратной дороги для тебя нет.

Мужчина повторил тот же сигнал.

Молчун снова дёрнулся. Теперь движение выглядело чуть собраннее: голова сразу повернулась к динамику, тело попыталось развернуться следом, связанные ноги подтянулись одновременно.

Сотрудник выключил звук и ещё несколько секунд наблюдал.

— Созревший, — заключил он.

Ковалёв поднял взгляд.

— Уверен?

— Да. Проверь ещё раз, если хочешь.

Он передал динамик Ковалёву. Тот повторил сигнал на прежней частоте, и тварь снова рванулась сразу, едва звук успел начаться.

Я это слово уже слышал раньше. Теперь оно прозвучало здесь спокойно, среди ремней и клеток, как обычная рабочая категория.

Я посмотрел на его ноги. Именно у этого молчуна за дорогу ушли сразу две петли, хотя Роман утверждал, что перед выездом проверял крепления сам. Теперь движения твари тоже отличались от остальных: после нужного сигнала она словно собиралась целиком и дёргалась уже всем телом сразу. Совпадение это или ещё один признак стадии, я пока не понимал.

Работник возле стола взял другую бирку и закрепил её на ремне.

— Этого отдельно.

Я помог поднять молчуна и посмотрел, куда его понесли. К общей клетке работники даже не свернули. Тварь уложили возле небольшой закрытой платформы у дальнего навеса.

Там уже лежали ещё двое, по всей видимости таких же созревших. Один почти не двигался, второй время от времени поворачивал голову на разговоры людей вокруг. У обоих стояли такие же отдельные бирки.

Я подошёл к Ковалёву, пока тот расписывался в ведомости.

— Эти трое вместе пойдут? — уточнил я как бы между прочим.

— Да, — подтвердил тот.

— Куда?

Ковалев поднял на меня глаза.

— Туда.

Ответ прозвучал совершенно буднично. Ковалёв вернулся к планшету и поставил ещё одну отметку, словно речь шла о складе запчастей.

Я кивнул на отдельную платформу.

— Туда только созревших собираете?

Мужчина в сером халате ответил раньше Ковалёва.

— По-разному бывает. Смотрим заявку. Созревших туда действительно часто отделяем сразу.

— А остальные стадии?

— Если указаны в заявке, тоже идут. Сегодня нужны эти, — пояснил он.

Он забрал планшет у Ковалёва, сверил три номера и повернулся ко мне.

— Проверяй крепления перед отправкой, Серег. По этим отдельно смотри и руки и ноги. Сюрпризов тут быть не должно.

Я присел возле молчуна и дёрнул ремень. Все было зафиксировано четко и никаких сюрпризов о которых говорил Ковалев, здесь не должно было всплыть. Но бережёного бог бережет. Я взял новую стяжку, завёл её поверх основной ниже колен и затянул.

Молчун сразу повернул голову на звук застёжки, потом замер и продолжил следить глазами за моими руками. Теперь сюрпризов не могло быть уже по определению.

К дальнему проезду уже подкатывал закрытый фургон. Водитель остановился возле платформы, вышел и передал документы работнику. Тот сверил номера, после чего задние двери открыли.

Трёх молчунов начали грузить по одному. К каждому цепляли дополнительную стяжку, потом фиксировали внутри кузова к напольным петлям.

Я помог занести последнего. Когда выбирался наружу, увидел на листе у сотрудника обозначение сектора.

В-7.

Ковалёв стоял возле машины и ждал, пока водитель распишется.

— Часто такие заявки идут? — спросил я, спрыгнув на бетон.

— По-разному. Иногда одна, иногда три-четыре за день. Зависит от того, что им конкретно требуется.

— По стадиям каждый раз отдельно расписывают?

— Если это важно для заявки, то расписывают. Сегодня вот отдельно указаны созревшие.

Он забрал бумаги у водителя и передал один экземпляр сотруднику сортировки. Я успел ещё раз взглянуть на лист. Три молчуна. Состояние — созревшие. Получатель — В-7.

Я захлопнул правую створку, водитель закрыл вторую и поставил запор. Через минуту фургон тронулся, прошёл вдоль складов и свернул к знакомому внутреннему проезду.

Теперь я знал наверняка: в В-7 молчунов отправляли по заявкам. И сегодня там ждали именно созревших.

Глава 3

Когда я вернулся в общежитие, Элины в комнате ещё не было. Судя по тому, что её куртка так и висела на спинке стула с самого утра, из административного сектора она сюда вообще пока не заходила.

Я закрыл за собой дверь, несколько раз проверил замок и только после этого снял рюкзак с плеча. Взгляд сам прошёлся по окну, дверным петлям, шкафам и единственной розетке возле стола.

Окно выходило во двор и находилось достаточно высоко, чтобы снаружи к нему просто так никто не забрался. Дверь выглядела крепкой, замок тоже держался нормально, а тяжёлый шкаф при необходимости можно было сдвинуть поперёк входа.

Впрочем, прямо сейчас заставлять себя думать о возможной обороне комнаты особого смысла не имело. За окном спокойно ходили люди, где-то внизу работал двигатель, а из соседнего помещения слышались голоса и смех.

В комнате горел свет, кровать была застелена чистым бельём, за стеной работал душ, а дверь можно было закрыть на ключ и спокойно оставить за ней свои вещи. Я даже присел на край кровати и несколько секунд оглядывал всё это хозяйство, пытаясь привыкнуть к простой мысли, что сегодня мне снова не придётся искать место для ночлега и решать, кто первым заступает на дежурство. Можно было лечь спать и рассчитывать, что утром рюкзак останется там же, где я его поставил.

Правда, одна мысль продолжала держаться в голове ещё с сортировочной площадки. Три молчуна, отдельная заявка и отметка В-7 в документах слишком хорошо запомнились. Особенно после того, как Ковалёв подтвердил, что туда регулярно отправляют тварей нужных стадий. Сегодня им понадобились именно созревшие, и объяснения этому у меня пока не было.

Лезть с расспросами дальше в первый же день я тоже не собирался. Я уже увидел достаточно и теперь оставалось смотреть, что будет происходить дальше.

Живот напомнил о себе раньше, чем я успел решить, чем заняться до прихода Элины. После выезда с Ковалёвым нормально поесть так и не получилось, а до общего ужина оставалось ещё достаточно времени. Я посмотрел на часы, поднялся и вышел в коридор, решив наконец проверить общую кухню уже с практической стороны.

Я прошёл к кухне, открыл дверь и первым делом заглянул в холодильник, возле которого ещё вчера заметил бумажку с надписью «Общее».

С едой здесь всё действительно оказалось гораздо лучше, чем я ожидал. На нижней полке лежала пачка масла, рядом стояли несколько кусков сыра и половина батона варёной колбасы. В глубине обнаружилась кастрюля с картошкой и мясом, а возле неё несколько банок консервов. Большая часть продуктов имела подписи, зато на общем ящике кто-то крупно написал маркером, что содержимое можно брать всем жильцам этажа.

Я вытащил колбасу и посмотрел на дату изготовления. Её успели произвести ещё до того дня, когда весь наш привычный мир окончательно покатился к чертям, а срок годности подходил к самому краю. Сыр оказался примерно из той же эпохи.

— Вот и конец света, — пробормотал я, возвращая колбасу на полку.

Картошка пахла вполне нормально, поэтому я достал тарелку, положил себе порцию и уже собирался сесть за стол, когда из коридора донёсся громкий мужской голос. Сначала я решил, что кто-то просто ругается с соседом, но через несколько секунд услышал следующую фразу и поставил тарелку обратно.

— Я тебе сказал отдать! Ты чего стоишь и глазами хлопаешь?

Я вышел из кухни и почти сразу увидел Лизу. Девочка стояла у стены метрах в пяти от меня, сжав в ладони конфету в красной обёртке. Перед ней возвышался коренастый мужик

лет сорока, коротко стриженный, в кожаной куртке и рабочих штанах. По виду он находился в Маяке уже давно: одежда была чистой, движения спокойными, да и держался он здесь уверенно, словно этот этаж принадлежал ему лично.

Лиза пыталась что-то показать руками, прижимала конфету к груди и несколько раз указывала в сторону лестницы. Мужик смотрел на её жесты с возрастающим раздражением и явно не понимал, что девочка хочет ему объяснить. На глазах у неё уже стояли слёзы, однако отступать дальше было некуда, потому что за спиной находилась стена.

— Ты меня слышишь вообще? — снова повысил голос мужик. — Отдай сюда!

Лиза вздрогнула от его движения, хотя самого голоса услышать всё равно не могла. Я подошёл сзади и положил ладонь мужчине на плечо, заставив его наконец отвлечься от девочки.

— Тон сбавь. Она тебя не слышит и говорить тоже не может.

Он резко обернулся и посмотрел сначала на мою руку, затем мне в лицо. Плечо под ладонью напряглось, и через секунду мужик отступил на полшага, сбросив мою руку.

— Ты ещё кто такой?

— Сергей. Теперь расскажи, чего ты от девочки хочешь.

Он ткнул пальцем в конфету.

— Она мою вещь взяла. Я её на кухне оставил, возвращаюсь, эта уже с ней идёт.

Я перевёл взгляд на Лизу и показал на конфету. Потом указал на неё саму и вопросительно развёл руками, надеясь, что смысл она поймёт. Лиза сразу закивала, быстро показала в сторону лестницы, затем приложила ладони к груди и сделала движение, словно кто-то протягивает ей что-то в руку.

Жестовый язык я знал на уровне «видел его несколько раз в кино», но общий смысл понять получилось. Я снова показал на лестницу.

— Там дали?

Лиза закивала ещё быстрее.

Я указал вниз.

— В столовой?

Она снова подтвердила и вытерла щеку тыльной стороной ладони.

— Вот и выяснили, — сказал я мужику. — Ей конфету дали в столовой.

Он презрительно фыркнул и снова посмотрел на Лизу.

— Ты серьёзно сейчас? Она тебе руками помахала, и ты уже всё понял? Я эту конфету сам сюда принёс и на стол положил.

— Тогда сходи вниз и спроси, кто ей её дал. Если твоя, разберётесь со взрослыми, которые раздали чужое. До девчонки не лезь.

Я понимал, что конфликт тут явно больше, чем просто спор о конфете.

— Мне ещё бегать из-за собственной вещи? — процедил мужик.

— Можно продолжать орать на глухую девочку, — спокойно ответил я. — Этот вариант у тебя пока тоже отлично получается. Но я тебе не рекомендую этого делать.

Мужик резко подался ко мне. Разница в росте у нас была небольшая, зато в плечах он выглядел шире и явно привык, что одного такого грозного вида хватает, чтобы большинство разговоров заканчивалось в его пользу.

— Слушай, Сергей, ты здесь сколько живёшь?

— Второй день.

— Тогда какого хрена ты уже командуешь?

— Я пока разговариваю, — обозначил я. — Командовать ещё даже не начинал.

Я не отвёл взгляд и он несколько секунд смотрел на меня, потом усмехнулся и снова протянул руку к Лизе.

— Короче, девочка, отдай сюда, и закончим.

Я шагнул вперёд и встал между ними.

— Сначала сходишь и узнаешь, откуда она её взяла.

Мужик перестал улыбаться. Правая рука почти на автомате опустилась к поясу, и только теперь я заметил нож в кожаных ножнах. Похоже, движение было привычным: сам он сообразил, куда потянулась ладонь, только когда я посмотрел на неё.

Лиза внимательно следила за нами и могла читать по губам. Я чуть сместился, закрывая ей обзор своим плечом, и только тогда снова посмотрел мужику в глаза.

— Руку убери. Ещё раз потянешься к ножу — я тебе его в задницу засуну.

Пальцы у него замерли в нескольких сантиметрах от рукояти. Несколько секунд он продолжал смотреть мне в лицо, пытаясь понять, насколько серьёзно я это сказал. А я следил за его рукой и уже прикидывал, как удобнее перехватить запястье, если он всё же решит проверить.

— Ты сейчас совсем охренел? — спросил он тише.

— Руку от ножа убери, тогда поговорим дальше.

Он медленно поднял ладонь и оставил её на виду. Напряжение никуда не исчезло, зато хотя бы стало понятно, что прямо сейчас вытаскивать нож он передумал.

— Свободен, — обозначил я.

Я буквально услышал как у него закрипела эмаль. Мужик уже собирался что-то ответить, когда за моей спиной послышались тяжёлые шаги. Через пару секунд за его спиной появился Ломов, придерживая ладонью дверной косяк. На ноге у него стоял фиксатор, под штаниной угадывалась повязка, однако передвигался он уже сам и выглядел куда лучше, чем в тот момент, когда мы прибыли на Маяк.

— Сергей, у тебя всё нормально? — спросил он и остановился, переводя взгляд с меня на мужика.

Тот тоже посмотрел на Ломова. Правая рука окончательно ушла от пояса, после чего вся ситуация сразу стала заметно спокойнее.

— Да всё нормально, — ответил я и кивнул на конфету в руке Лизы. — Человек девочку сладким решил угостить.

Ломов посмотрел на нож и понимающе усмехнулся.

— Щедро у вас тут живут.

— Очень смешно, — буркнул мужик.

Я отступил на полшага, оставляя ему свободный проход к лестнице. Он ещё несколько секунд стоял на месте, явно решая, стоит ли продолжать конфликт уже при Ломове. Потом посмотрел на Лизу, перевёл взгляд на меня и всё-таки двинулся к лестнице.

— Ещё увидимся, Сергей, — бросил он.

— Тут общежитие небольшое. Думаю, получится.

Мужик ушёл, на повороте коридора ещё раз посмотрел назад и только после этого скрылся за лестничным пролётом. Я проводил его взглядом и запомнил лицо. Кто именно он такой и чем занимается в Маяке, пока оставалось неизвестным, однако после истории с ножом забывать такого человека точно не стоило.

Ломов тем временем доковылял до меня и остановился рядом. Я посмотрел на его ногу.

— Ну здравствуй, болезный.

Мы обнялись, хлопнув друг друга по спине. Ломов выглядел уставшим, зато цвет лица уже стал нормальным, движения тоже стали заметно увереннее, чем несколько дней назад. Он явно шел на поправку.

— Рад тебя видеть, Серёг, — сказал он, отступая на шаг. — А то я там уже думал, что меня в медкорпусе насовсем пропишут.

— Я тоже думал, тебя ещё минимум несколько дней оттуда не выпустят. Что врачи сказали?

— Сказали, что жить буду и даже ходить разрешили. Ногу нормально почистили, зашили, потом ещё снимок сделали. Через неделю явка, а до этого времени официально освободили от работы, — рассказал Ломов.

Он похлопал себя по карману и с довольным видом достал сложенную бумажку.

— Прикинь, настоящее освобождение от обязанностей. Тут конец света кругом, а мне больничный выдали. Я правда не спросил — оплачиваемый? — Ломов хмыкнул.

Я взял бумагу, мельком посмотрел на печать и вернул обратно.

— Такими темпами скоро трудовые книжки заведут, — добавил он.

Ломов спрятал бумагу и кивнул вслед ушедшему мужику.

— Так что этому красавцу от тебя понадобилось?

— С Лизой сцепился из-за конфеты. Решил, что она его сладости взяла.

— А она?

— Я думаю ты понимаешь, что это не из-за конфеты, — прямо сказал я.

— Ну догадаться не сложно, здесь вроде с голода никто не умирает.

Ломов посмотрел на девочку, которая всё ещё стояла у стены и внимательно следила за нашим разговором.

— Ещё немного, и ему бы понадобилось такое же освобождение, как у меня. Я таких уродов знаю... если че зови Серег. А я пока пойду на боковую.

— Иди отдыхай, вечером всё равно соберёмся, — я хлопнул его по плечу.

Ломов медленно пошёл по коридору. Я проводил его взглядом, убедился, что Ломов нормально держится на ногах, после чего повернулся к Лизе. Девочка всё ещё сжимала конфету в ладони. Слёзы уже высохли, только глаза оставались красными после недавней сцены.

— Как ты?

Лиза кивнула и попыталась улыбнуться.

— Точно нормально?

Она снова кивнула, уже увереннее.

Я показал рукой в сторону лестницы, куда ушёл мужик, а затем покачал головой.

— Держись его стороной. Увидишь где-нибудь — просто уходи и найди кого-то из наших. Поняла?

Лиза внимательно следила за моими губами, после чего кивнула в третий раз. Я поднялся, показал ей большой палец и собирался вернуться на кухню, где меня всё ещё ждала картошка.

— Всё, тогда договорились. Иди к своим.

Лиза сделала несколько шагов по коридору, вдруг остановилась и резко повернулась обратно. Через секунду она уже обхватила меня руками за пояс и крепко прижалась, так что я только успел придержать её за плечи.

Я погладил девочку по голове и подождал, пока она сама отступит. Лиза вытерла глаза рукавом, снова улыбнулась и пошла по коридору, всё ещё держа конфету в кулаке.

Я вернулся на кухню. Картошка к этому времени окончательно остыла.

К вечеру наша комната снова превратилась в штаб. В прошлый раз люди собирались здесь почти сразу после расселения, поэтому половина разговоров сводилась к тому, кому куда идти утром и чего вообще ожидать от нового места.

Сейчас всё выглядело уже иначе. Каждый успел провести полноценный рабочий день внутри Маяка, познакомиться с начальством, посмотреть свою работу и составить хотя бы первое впечатление.

Стульев снова на всех не хватило. Павел устроился возле стены, Антенна занял подоконник, Дмитрий сел на край моей кровати, Артём расположился рядом с братом. Ломов добрался одним из последних, Элина уступила ему стул и села рядом со мной на кровать.

Инна Павловна тоже пришла, хотя по женщине было хорошо видно, что день в медицинском корпусе выдался длинным. Когда дверь закрылась и разговоры немного стихли, я оглядел своих.

— Ну что, первый нормальный день прожили. Нас где-нибудь уже успели облапошить? Павел первым поднял руку.

— Вот удивительное дело, пока вроде нет. Я сам жду и начинаю нервничать, — признался он.

По комнате прошёл смех, и я повернулся к Инне Павловне.

— Давайте тогда с самого важного. Что с матерью Артёма?

Артём сразу перестал улыбаться и подался вперёд. Инна Павловна посмотрела на него и устало улыбнулась.

— Все хорошо, Тем. Врачи хотят ещё сутки понаблюдать, однако состояние уже стабильнее. Если ночью ничего не изменится, завтра тебя к ней пустят.

Артём несколько секунд молчал, словно боялся поверить, что услышал именно это.

— Точно пустят?

— Я сама разговаривала с дежурным врачом. Утром подойдёшь ко мне, и вместе пойдём.

— Спасибо, Инна Павловна..

— Вот врачам и скажешь. Они с ней возятся практически круглосуточно.

Артём опустил голову и потёр лицо ладонями.

— Сам медицинский блок как? — уточнил я у Инны.

— Серьёзный, как я тебе уже говорила. Часть оборудования работает от отдельной линии питания. Людей много, персонала постоянно не хватает, однако порядок там есть. Тяжёлых действительно лечат и все необходимые операции проводят. Уровень для нынешних условий очень приличный... в общем могу повторить, что все именно так.

Ломов сразу поднял руку и постучал пальцем по своему фиксатору.

— Живое доказательство сидит перед вами.

Я перевёл взгляд на Артёма.

— С медициной разобрались. Теперь рассказывай, что там с электричеством.

Артём заметно оживился. Рабочая тема явно помогала ему отвлечься от всего остального.

— Там всё серьезнее, чем я думал, — охотно признал он. — Основной контур идёт через две большие установки, ещё есть резерв. Если основной контур ляжет, резерв должен подхватить питание автоматически. Полностью погасить жилой корпус можно только при серьёзной аварии или если питание отключат вручную. Часть корпусов можно отключать отдельно, если нагрузка вырастет. Топливо считают каждый день, расходы сверяют по сменам, на крупных объектах стоят отдельные счётчики.

— И сколько оно всё протянет? — как-то недоверчиво спросил Павел.

— Если жечь как сейчас, надолго. Они экономят где только могут. В жилых корпусах часть освещения ночью отключают, мастерские работают по графику, тяжёлое оборудование стараются разводить по времени. Я сегодня полдня с электриком ходил, он мне всю схему показывал. Но с топливом как я понял проблем нет. По крайней мерк пока.

Антенна до этого терпеливо ждал своей очереди, затем демонстративно кашлянул и постучал пальцем по колену.

— Раз техническая часть пошла, я тоже имею право похвастаться. Со связью тут вообще всё очень прилично. Есть проводная внутренняя сеть, несколько радиоканалов, резервное питание на основных узлах. Часть старых линий легла, сейчас их постепенно поднимают. На складах оборудования прилично, плюс то, что мы привезли, тоже пригодилось.

Рассказывали и остальные.

Элина поведала о своем «царстве бумажек».

— А с едой что? — спросил Павел, когда девушка говорила про учет. — Нас тут через неделю на сухари не переведут?

— Запасы считают по людям и по дням. Сегодня я видела ведомости, — ответила Элина. — Выдача идёт по норме, отдельные пайки предусмотрены для детей, больных и тяжёлых рабочих смен. Сколько продержатся запасы, я пока не знаю, однако продукты сюда ещё привозят с внешних складов. Все работает, как часы.

— Вот это меня и удивляет, — сказал Дмитрий. — Мы сюда шли и ожидали укреплённый лагерь, где всё держится на соплях. А здесь уже целый маленький город получается.

Ломов до этого слушал остальных, вытянув больную ногу. Теперь он повернулся ко мне и прищурился.

— Серёг, признавайся. Ты там всё ещё ждёшь, когда из стены вылезет местный доктор Менгеле и скажет, что всё это было частью эксперимента?

— Я жду объяснения, кому здесь понадобились молчуны определённых стадий, — серьёзно ответил я. — Сегодня я своими глазами видел, как их сортируют по стадиям. Отдельно ушла партия созревших, причём по конкретной заявке.

— Тебе твой шеф ничего не сказал? — спросил Дмитрий.

— Он знает только то, что получает заявки и сдаёт партии. По крайней мере, именно так говорит.

Дальше обсуждение быстро скатилось к обычным бытовым вещам. Кто-то жаловался на очередь в душ, Павел пытался выяснить, можно ли раздобыть нормальный кофе, Антенна уже строил планы, как протянуть связь на наш этаж, хотя никто его об этом не просил.

Я слушал их и смотрел на людей, которых ещё несколько дней назад приходилось тащить через город, набитый молчунами. Сейчас мои люди спорили из-за кофе, рабочего графика и того, кто утром первым занимает душ.

Для первого дня в Маяке результат получился вполне достойный.

Когда за последним гостем закрылась дверь, в комнате сразу стало непривычно тихо, а потом Элина шепнула:

— Сереж...

Я обернулся. Она стояла возле своего шкафа и уже рылась в кармане куртки, которую бросила туда после работы. Через несколько секунд Элина повернулась ко мне и с довольным видом показала небольшую шоколадку.

— Вот.

— Это что, взятка?

— Благодарность от одной женщины из второго корпуса. Я помогла ей разобраться с переводом мужа поближе к медицинскому блоку, и она решила, что теперь обязана меня кормить сладким, — совсем смущенно проговорила девчонка.

Элина покрутила шоколадку передо мной, затем положила её на стол.

— Хочешь чай?

— Можно Лизу позвать. Она сладкое точно оценит.

Элина посмотрела на меня таким взглядом, что продолжать эту мысль сразу расхотелось. Несколько секунд она молчала, после чего чуть приподняла брови.

— Я вообще-то хотела с тобой посидеть.

Я усмехнулся и подошёл к чайнику. Вода в пластиковой бутылке стояла под столом, поэтому через минуту чайник уже гудел возле розетки. Элина тем временем разломил шоколадку на несколько частей, нашла две кружки и села на край кровати.

— Сахар будешь? — спросила она.

— После шоколада ещё и сахар? Нас тут похоже совсем расслабить решили.

Я залил чай, одну кружку передал ей и устроился рядом. Матрас прогнулся под нашим весом, и Элина сразу придержала чашку двумя руками, чтобы чай не выплеснулся ей на колени. Потом отломил кусочек шоколада и протянула мне.

— Ну как первый день?

Я взял шоколад.

— Лучше всех. Целый день ловил молчунов.

Она рассмеялась и качнула головой.

— Я серьёзно спрашиваю.

— Я тоже серьёзно отвечаю. Утром выдали пистолет, потом молоток, потом повезли на промзону вязать тварей. Вполне насыщенный рабочий день, — я отпил чай.

— Молоток то тебе зачем?

— Молчунов глушить, если полезут слишком активно.

Элина перестала подносить кружку ко рту и посмотрела на меня поверх края.

— И как, пригодился?

— Один раз, — признался я. — Всё нормально прошло.

— У тебя почему-то «всё нормально прошло» обычно означает, что кого-нибудь чуть не сожрали.

Она порезала на матрасе, явно смущаясь.

— Сегодня никто даже толком не пытался.

Я отпил чай. Элина тоже сделала несколько глотков и поставила кружку на тумбочку рядом с кроватью.

— А люди как?

— Ковалёв нормальный мужик. Работу знает, за своими следит. Есть один Роман, который сначала решил проверить, насколько я умный, потом чуть сам под молчуна не залез.

— И ты, конечно, его вытащил.

— Пришлось. Мне потом всё равно с ним работать.

Она тихо рассмеялась и толкнула меня плечом.

Я доел шоколад и поставил кружку рядом с её чашкой. Элина сидела совсем близко, хотя места на кровати хватало с запасом. Сначала наши плечи просто касались друг друга, потом она чуть сдвинулась и устроилась удобнее.

— А у тебя как? — спросил я.

— К вечеру я начала узнавать людей по тому, какие бумаги они забыли принести. Если завтра так пойдёт дальше, стану настоящим специалистом...

Элина улыбнулась, однако продолжать шутку не стала. Несколько секунд мы просто сидели рядом, слушая, как за стеной кто-то возится с дверью шкафа.

Она опустила руку на кровать, потом медленно передвинула её ближе и положила ладонь поверх моей.

Я посмотрел на наши руки и оставил руку на месте. Элина провела большим пальцем по костяшкам моих пальцев и подняла глаза.

Теперь расстояния между нами оставалось совсем мало.

Она смотрела прямо на меня, и гадать, чего именно ждёт, смысла уже не было. Я наклонился первым и поцеловал её.

Элина ответила сразу.

Первые пару секунд она сидела почти неподвижно, потом придвинулась ближе и обхватила меня рукой за шею. Чай, шоколадка и разговоры про рабочий день мгновенно отошли куда-то в сторону. Я положил ладонь ей на талию, притянул к себе, и она только сильнее прижалась.

Мы оторвались друг от друга на несколько секунд.

Элина посмотрела мне в глаза и улыбнулась.

— Ну наконец-то.

Я снова её поцеловал. Теперь она уже сама потянула меня на себя, и через несколько секунд моя вторая рука оказалась у неё на спине.

В этот момент свет погас.

Комната сразу провалилась в темноту. Генераторный гул за окном тоже оборвался, а вместе с ним исчезли привычные звуки работающего корпуса. Я сразу вспомнил слова Артёма про резерв. Он должен был подхватить питание автоматически.

Элина замерла рядом со мной.

— Это всё ради нас? — спросила она через пару секунд.

В ответ снаружи раздался протяжный вой сирены. Он прошёл по территории Маяка сразу с нескольких сторон, громко и резко. Почти одновременно в коридоре послышались открывающиеся двери и голоса людей.